

УДК 930.1

С. Р. Матвеев

БЕЗ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИОСОФИЯ ФРАНСУА ГИЗО ДО 1814 ГОДА¹

21

На основе работ Франсуа Гизо (1787 – 1874) периода Первой империи (1804 – 1814) проанализированы его историософские взгляды. Установленные хронологические рамки позволяют увидеть основания исторической теории великого мыслителя, очищенные от политической конъюнктуры периода Реставрации (1814 – 1830) и Июльской монархии (1830 – 1848), когда Гизо был активным деятелем либеральной оппозиции, а затем оказался одним из лидеров французской политической элиты.

This paper analyses the historiosophical views of François Guizot (1787 – 1874) based on his works from the period of the First Empire (1804 – 1814). The established chronological framework makes it possible to identify the foundations of the great thinker's historical theory – foundations cleansed of the political influence of the Bourbon Restoration (1814 – 1830) and the July Monarchy (1830–1848), where Guizot was an activist of the liberal opposition and later became one of the leaders of the French political elite.

Ключевые слова: историософия Франсуа Гизо, романтизм, эмпатия, цивилизация.

Key words: François Guizot's historiosophy, romanticism, empathy, civilization.

Историософия может существовать вне каких бы то ни было идеологий и быть аполитичной, однако любая политическая теория предполагает историческую модель, объединяющую прошлое, настоящее и будущее. Франсуа Гизо стал известным историком и влиятельным политическим теоретиком в годы взлета своей государственной карьеры, его классические работы [8–10] принадлежат к периоду Реставрации Бурбонов. Историософские идеи Гизо, возглавившего либеральное движение доктринеров в 1814 г., оказались под влиянием общественной повестки, стали частью его политико-философской теории и сыграли роль вспомогательного аргумента в парламентских баталиях. Реконструкция историософии Гизо периода Первой империи позволит увидеть основания исторической теории классика, очищенные от политической конъюнктуры.

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Основными источниками данного исследования являются ранние тексты Гизо: предисловие и комментарии к сочинению Э. Гиббона (1737–1794), статьи в «Публицисте», записи первых лекций, прочитанных на *faculté des lettres* Сорбонны. Настоящая статья представляет собой отнюдь не первый опыт обращения к историософии Гизо. Наиболее известные и значимые работы, посвященные этой теме, принадлежат перу М.А. Алпатова [1], А. Барду [7], Г. Брольи [8], В.М. Далина [3], Д. Джонсона [16], Ш. Пута [18], Б.Г. Реизова [4] и некоторых других. Однако все упомянутые авторы склонны делать акцент на исторических сочинениях Гизо периода Реставрации, не принимая во внимание ранние работы классика, на страницах которых проявились контуры его историософии.

Первые наброски собственных исторических взглядов и философского метода Гизо делает в предисловии к своему переводу книги английского историка Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи» (1807–1812) [9]. В самом начале введения Гизо критикует традиционные подходы писателей к истории Римской империи. Упомянув фамилии признанных историков своего времени – Ш. Лебо (1701–1778), Г. Амейлона (1730–1811), А. Пажи (1624–1699), И. Эггеля (1737–1798), молодой переводчик досадует, что перечисленные авторы, как и многие другие, часто оказываются «погребенными под теми развалинами, внутрь которых старались проникнуть» [2, с. 23]. Это происходит вследствие того, что они «добровольно сузили цель и сферу своих исследований», а «свойства их ума без их ведома не позволяли им переступить известные границы» [Там же]. Историки до сих пор при установлении фактов «пренебрегали взаимной связью идей; они раскопали и осветили развалины, но не восстановили здания, поэтому читатель не находит в их произведениях той широты взгляда», которая помогла бы «обозревать огромные пространства и длинный ряд столетий и которая дает нам возможность рассмотреть среди мрака прошлых времен то, как совершался прогресс человечества...» [Там же, с. 24]. Молодой Гизо считал, что историкам предшествующих эпох и его времени недоставало «широты взгляда, которая составляет историософию и без которой история была бы не более как собранием разрозненных фактов, не дающих никаких результатов и не имеющих никакой внутренней связи» [Там же]. Во введении и примечаниях к книге Гиббона Гизо впервые пишет о необходимости теоретических обобщений при работе с исторической фактурой и набрасывает контуры истории идей. Автор не скрывает своего скептического отношения к нарративам, в основу которых не положена концепция, способная связать и объяснить многообразие фактов.

Вероятно, тяга к построению больших объяснительных моделей появилась у Гизо под влиянием учения И. Канта и немецкой философии начала XIX в., с которой молодой француз познакомился в доме швейцарского посла Ф.-А. Стапфера (1766–1840) [14, р. 8]. В воспоминаниях Гизо признавался, что сразу после приезда в Париж немецкая

философия и литература стали любимым предметом его штудий, заложив основу теоретических воззрений мыслителя: «Я читал Канта и Клопшток, Гердера и Шиллера гораздо больше, чем Кондильяка и Вольтера» [14, р. 8]. Немецкие философы в понимании Гизо несли «дух истинной свободы» и учили уважать права других. Он ставил философские системы идеалистов гораздо выше дозволенной практической деятельности наполеоновской эпохи: «Я больше узнал от них, чем из всей практической деятельности того времени» [Ibid.], — признавался историк. О влиянии кантианства Стапфера во время комментирования Гиббона свидетельствует и примечание, помещенное Гизо непосредственно во введении к книге: «Если в моем труде найдут какие-нибудь достоинства, мне придется пожалеть только о том, что я не буду в состоянии с точностью определить, какой именно долей этих достоинств я обязан господину Стапферу» [2, с. 29].

Многочисленные примечания Гизо к сочинению Гиббона свидетельствуют о большой начитанности и трудолюбии переводчика. Главным образом его интересует история христианства и церкви, с которыми он связывает появление новой Европы. Именно к этим темам Гизо пишет самые подробные комментарии и полемические заметки: «...излагая историю упадка империи, он [Гиббон] видел в христианстве лишь такое учреждение, которое заменило вечерами, босоногими монахами и разными процессиями великолепные церемонии в честь Юпитера и торжественные въезды триумфаторов в Капитолий» [2, с. 39]. Гизо считает подход Гиббона устаревшим и винит историка не только в непонимании роли христианства и нехватке воображения, но и в отсутствии философского метода, который объединяет факты в систему и тем самым дает жизнь общему целому. Таким образом, Гизо критикует Гиббона не за отрицательное отношение к христианству, а за непонимание исторического процесса, который привел к появлению Европы.

Первым опубликованным сочинением Гизо стал «Обзор философии и литературы за 1807 год», напечатанный в «Публицисте» Ж. Б. Сюара (1734–1817) [14, р. 9–11]. Плодотворное сотрудничество с этим изданием, закрепленное годичным контрактом (издатель платил литератору 200 франков в месяц за восемь статей), принесло Гизо признание парижских литературных кругов и благосклонное внимание историков. После смерти П.-Ш. Левеска (1736–1812), возглавлявшего единственную кафедру истории на *faculté des lettres* Сорбонны, Гизо решил претендовать на замещение позиции. Его соперником был молодой талантливый историк, ученик Левеска Ж.Ш. Лакретель (1766–1855). Покровительственное вмешательство Сюара позволило избежать конфликта, и М. Фонтен, великий магистр университета и доверенное лицо Наполеона, разделил кафедру на две — древней истории для Лакретеля и современной истории для Гизо [14, р. 15].

Молодой Гизо был аполитичным интеллектуалом. В канун первой лекции Фонтен объяснил новому профессору, что необходимо предварить занятие приветственной речью в адрес императора. Однако Гизо категорически отказался смешивать науку с политикой, несмотря на

отчаянные просьбы ректора, утверждавшего, что император обращает на это особое внимание. Спор закончился словами Фонтена: «Делайте, что хотите. Если на вас пожалуются, мне придется отвечать» [6, с. 320].

Гизо занял кафедру, не имея ни образования историка, ни опыта проведения самостоятельного исторического исследования. Он сообщил о своем беспокойстве в доверительном письме Форьелю: «То, что я должен преподавать, меня пугает, и я отдаю себе отчет в существовании разницы между тем, что я преподаю, и тем, что меня интересует» [15, р. 406]. Однако вторую часть письма Гизо посвятил своим историософским размышлениям, заметив, что у современных людей в головах слишком много идей, готовых схем и философских концепций, но мало фактов, чтобы эти идеи и схемы заполнить [Ibid.]. Вероятно, подобное понимание возникло у новоиспеченного преподавателя истории в результате размышлений над собственным опытом. Гизо чувствовал недостаток эрудиции и сомневался в самой возможности исторического познания: «Мы никогда не узнаем прошлого. Я убежден в этом и начинаю его изучать» [14, р. 389]. Столетие спустя Ш. Пуа интерпретировал это признание как исторический агностицизм и ошибочное представление о задачах исследователя [18, р. 349].

Такой вывод можно назвать преждевременным, потому что уже во вступительной лекции, прочитанной Гизо перед немногочисленной аудиторией 11 декабря 1812 г., «непознаваемость» прошлого ограничена: «Невозможно определить исчерпывающим образом истоки и подробности каждого события, нельзя узнать всех мотивов поведения и идей каждого [исторического деятеля]» [14, р. 389]. В каких случаях на событие влияет склад ума и характера людей, в каких природные и климатические условия? Все это можно установить лишь с известной степенью условности: «Возьмите тех же героев, те же обстоятельства, но измените хоть одну деталь и прежней картины не получится» [Ibid.], потому что история наполнена огромным множеством бесконечных деталей и случайностей.

В первой своей лекции Гизо также утверждал, что историк ищет истину наощупь в темноте, поэтому часто может заблуждаться и выдавать одно за другое [14, р. 390]. Цезарь, Саллюстий, Тацит писали о событиях, близких им по времени, и имели преимущество наблюдателей. «Но как писать нам о далеком прошлом?» — задается вопросом Гизо. Восполнять пробелы, неизбежные во всяком историческом знании, по мнению Гизо, следует при помощи разума и метода — так же, как недостаток силы восполняется техникой.

Однако первые представления Гизо о методе были романтические. Прошлое, на которое он смотрел глазами начинающего исследователя в 1812 г., выступало как нечто *другое* по отношению к настоящему. Именно романтики в это же время сознательно пытались конструировать *другое* прошлое, они «создавали эмоционально окрашенное, субъективное былое, отличное от настоящего, свободно и довольно равноправно используя описание и объяснение, воображение и вчувствование» [5, с. 17]. Обращение историков к техникам вчувствования, погружения, идентификации и другим приемам реконструкции прошлого

происходило задолго до появления романтической историографии. Чаще всего использование этих методов было связано с попытками понять и объяснить мотивы действий исторических персонажей. Создание образа человека достигалось художественными средствами, а мотивы поведения — с помощью обыденного суждения: «Для проникновения в мир действующего субъекта историк неизбежно должен был полагаться на собственный опыт, в том числе эмоциональный» [5, с. 17].

Гизо в своих первых лекциях уделяет немало внимания *эмпатии*. Для него этот метод состоит из двух частей: анализ собственных мыслей, переживаний на основе самонаблюдения и умозрительное помещение себя на место другого. Для Гизо, как и для романтиков, другой может быть не просто отдельной личностью, а неким коллективным субъектом, появление которого связано с антропоморфизацией больших социальных групп, таких как нация, народ, сословие, класс. Историк предлагает понимать греков, вставая на место греков, понимать римлян, вставая на место римлян, понимать варваров, вставая на место варваров [14, р. 390].

Гизо настаивает на необходимости рассматривать прошлое дифференцированно, поскольку существуют два прошлых, из которых «одно совсем мертво и не представляет реального интереса, поскольку его влияние не выходит за его же рамки; другое длится до сих пор, благодаря тому влиянию, которое оно оказало на последующие века» [Ibid., р. 393]. «Мертвое прошлое» представляет собой «лабиринт неопределенных фактов» и непонятных нам ценностей. «Живое прошлое» мы можем познать и исследовать благодаря его результатам в виде великих идей и памятников [Ibid.].

С первой же лекции Гизо начинает развивать взгляды, которые в дальнейшем лягут в основу истории идей и цивилизационного подхода. В частности, он считает, что каждая эпоха и любая *цивилизация* дают нам некий комплекс доминирующих идей, самые ценные из которых не только становятся маркерами своего времени, но и развиваются на протяжении многих веков. Цивилизации египтян и финикийцев подготовили почву для греков и римлян, но оказались мертвы для варваров, обосновавшихся в Европе. История в целом — это движение на пути к цивилизации [14, р. 394], которое направляется разумом. Идея истории цивилизации, рассматриваемой в качестве истории последовательно сменяющихся (не)разрешаемых задач, высказанная в первой лекции Гизо, задаст вектор дальнейшей исторической работе, апогеем которой станет цикл лекций и публикаций 1828 — 1830 гг.

Из первой же лекции становится ясно, что «разум» является важным концептом в теории Гизо. Это понятие имеет как минимум два значения. Во-первых, оно представляет собой методологический принцип рационального исследования (именно разумом Гизо предлагает пользоваться для «восполнения пробелов» в историческом знании). Во-вторых, принимая во внимание знакомство Гизо с работами Канта, Гердера и Фихте [14, р. 8], можно видеть в «разуме» Гизо нечто близкое «разуму» Гегеля. Это понятие в поздних работах Гизо приобретет онтологический характер и встраивается в телеологическую концепцию.

Гизо не вводит понятие «история идей», но придает огромное значение роли идей и нравственных категорий. Он считает, что социальное развитие невозможно без интеллектуального совершенствования и появления выдающихся творцов идей. Идеи, наряду с нравами и чувствами, определяют те отношения, которые возникают между людьми.

Идея эволюции общества и человека, ставшая основой историософии Гизо, впервые встречается в работе «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года» (1810). В теоретическом введении автор замечает, что в каждый исторический период перед человечеством стоит комплекс главных задач, успех в решении которых определяет значимость всей эпохи [10, р. 16–17]. Избранная мыслителем оптика свидетельствует о преобладании историко-философской рефлексии над фактурой. Гизо смотрел на искусство с наиболее общей точки зрения, за что он подвергался нападкам критиков, вновь утверждавших, что такой странный подход связан с недостаточными знаниями автора [8, р. 41]. Однако необоснованность критики становится очевидной благодаря письму Гизо Ш. де Виллеру (1765–1815): «Может быть, мне удалось взглянуть на искусство с более общей точки зрения, чем это делается во Франции. Я горжусь, что воспитался в школе Лессинга» (цит. по: [4, с. 177]). Очевидно, Гизо имеет в виду религиозно-философский трактат Г. Лессинга «Воспитание человеческого рода» [17], написанный немецким литератором на закате жизни. Лессинг видит функцию Бога в наставничестве, которое имеет три этапа. На первом этапе человек ищет истину сам, и правильность его поисков определяется наказаниями и поощрениями судьбы. На втором человек получает божественное откровение, знает о бессмертии души и загробной жизни. На третьем нет ни наказаний, ни поощрений, потому что человеческий разум становится совершенен, и «люди делают благо ради блага» [17, S. 7–22]. Идея эволюционного развития общества, благодаря совершенствованию разума, полностью разделялась Гизо.

Разрабатывая идеи новой романтической критики в очерке «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года», Гизо отказывается от принципа «хорошего вкуса», который торжествовал в классицистической критике. Он хочет поставить критику на объективно-историческую основу и объяснить, почему классическое искусство не волнует современную публику, а также доказать на примере современного искусства свои философско-политические взгляды и вместе с тем построить новую, историческую эстетику (см.: [4, с. 177]). Гизо критикует эстетический снобизм и утверждает, что искусство не может иметь универсальных вневременных шедевров и эталонов, но каждая эпоха формирует свои вкусы [10, р. 17–18]. Уже в этой работе, как и в первой лекции курса, можно обнаружить пока недостаточно ясные представления о движущей силе истории, о «главных идеях» каждого периода, увлекающих за собой всю эпоху и являющихся выражением той цели, которую эпоха должна достичь в случае успеха.

Оживление общественной жизни, пришедшее вместе с Реставрацией Бурбонов, вывело Гизо, как и многих его современников, в сферу политического. Отныне он использует историософию как средство идеологии. Историософия при подобном подходе обладает той особенностью, что в силу характерного для нее рассмотрения истории как последовательности эпох она позволяет разъяснить историческим субъектам этого рассмотрения, почему они благодаря их положению в историческом процессе впервые и исключительно способны постичь этот самый исторический процесс. Важнейшим принципом ранней, аполитичной, историософии Гизо является сбалансированное сочетание теории и эмпирии, фактов и обобщений. При работе с историческим материалом он равным образом не приемлет высокие абстракции в духе немецкой идеалистической философии и хронографическое описание идей и фактов. Гизо признает невозможность исчерпывающей реконструкции событий прошлого, однако призывает к доскональности. С первых работ он развивает взгляды, которые в будущем окажутся в фундаменте истории идей, цивилизационного подхода и классовой теории: своеобразие и преемственность каждой из эпох, влияние доминирующих идей на социальные и политические процессы, антропоморфизация больших социальных групп.

Список источников и литературы

1. *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М. ; Л., 1949.
2. *Гизо Ф.* Предисловие // Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 2008. Т. 1. С. 11 – 45.
3. *Далин В. М.* Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981.
4. *Реузов Б. Г.* Французская романтическая историография. 1815 – 1830. Л., 1956.
5. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и интуиция: наследие романтиков // Гуманитарные исследования (ИГИТИ НИУ ВШЭ). 2003. Вып. 6. С. 3 – 50.
6. *Феоктистов Е. М.* Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15, №5 – 6. С. 310 – 354.
7. *Bardoux A. M.* Guizot. P., 1894.
8. *Broglie G.* Guizot. P., 1990.
9. *Gibbon E.* Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain. P., 1812. Vol. 1 – 13 (рус. пер.: Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 2008. Т. 1).
10. *Guizot F.* De l'état des Beaux-Arts en France et du Salon de 1810. P., 1810.
11. *Guizot F.* Essais sur l'histoire de France. P., 1823.
12. *Guizot F.* Histoire de la Révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I, jusqu'à la restauration de Charles II. P., 1826 – 1827. Vol. 1 – 2.
13. *Guizot F.* Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. P., 1851. Vol. 1 – 2.
14. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1858. Vol. 1.
15. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1860. Vol. 3.
16. *Johnson D.* Guizot: Aspects of French History, 1787 – 1874. L., 1963.
17. *Lessing G. E.* Die Erziehung des Menschengeschlechts. Berlin, 1780.
18. *Pouthas Ch.-H.* La jeunesse de François Guizot. P., 1937.

Об авторе

Сергей Рафисович Матвеев – канд. филос. наук, стажер-исследователь ИГИТИ НИУ ВШЭ, ст. преподаватель, НИУ ВШЭ, Москва.

E-mail: sergey-matveev1988@bk.ru

About the author

Dr. Sergey Matveev, Research Intern, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: sergey-matveev1988@bk.ru